

Ветер свирепел. Молния, словно неискушенный убийца, изгоняла из земли душу градом беспорядочных уколов. Над темными, иссеченными ливнем холмами катались взад-вперед раскаты грома.

Ночь по беспросветности своей соперничала с убранством кошачьей утробы. Наверное, именно такими ночами боги помыкают людьми как хотят, словно те — пешки на шахматной доске судьбы. В разгар этого буйного действия, подобно искорке в зрачке обезумевшего хорька, за слезящейся листвой дрока полыхнуло зарево, уронившее блики на три сидящие на корточках фигуры. Варевое в котле наконец поспело, и послышался чудной писклявый голосок:

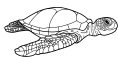
— Когда мы вновь увидимся втроем?

Ответ последовал не сразу.

Наконец другой голос, наделенный более привычными уху модуляциями, произнес:

— Вернее всего, что в следующий вторник...

Сквозь непостижимые толщи космоса несет свое бремя вселенская черепаха Великий А'Туин, и бремя это состоит из четырех слонов-исполинов, подпирающих спинами диск Плоского мира. Вокруг диска вращаются скромных размеров солнце и луна, описывая довольно замысловатые орбиты, необходимые для смены времен года. И вряд ли во всей множественной вселенной отыщется другое место,

где время от времени слону приходится задирать свою конечность, дабы не воспрепятствовать предписанному ходу небесных светил.

Сложно сказать, удастся ли когда-либо получить ответ на вопрос, почему все устроено именно так, а не иначе. Вполне возможно, Создателю Вселенной в один прекрасный день наскучили эти бесконечные оси склонения, скорости обращения и альbedo и Он решил немного себя потешить.

Как-то само собой напрашивается подозрение, что боги миров, подобных этому, за шахматную доску не садятся, и такое суждение в самом деле окажется истинным. Богов, играющих в шахматы, не существует вовсе. Для шахмат у богов плоховато с воображением. Боги проявляют склонности к играм более простым и зловещим: это когда Запредельное Ты Так И Не Обрел, зато Забвение Ждет За Углом. Для верного понимания всех религиозных ухищрений нелишне будет заострить внимание на том, что представления о веселой шутке воплощены у богов в Змеях и Лестницах со скользкими перекладинами.

Воедино Плоский мир скрепляет магия — магия, вырабатываемая оборотом мироздания как таковым; магия, которая подобно паутинке появляется из брюшка бытия и залечивает жестокие раны действительности.

И по большей части магия эта оседает в Овцепикских горах, протянувшихся от вечной мерзлоты Пулземелья по всей длине архипелага до самых теплых морей, которым суждено излить свои воды за самый Край.

Сырая магия, устремляясь от одной вершины к другой, дает о себе знать характерным потрескиванием. Именно Овцепики удерживают первенство по части одаривания мира ведьмами и волшебниками. Листочки на овцепикских деревьях шевелятся

безотносительно поведения ветра, а скалы славятся пристрастием к вечерним прогулкам.

Что и говорить — земля и та порой оживает...

А еще случаются дни и ночи, когда то же происходит с небесами.

В ту ночь буря бушевала самозабвенно. Она чувствовала, что эта ночь — ее. Не год, не два буря гастролировала по провинциям: не отказываясь от поденной халтуры, по крупицам стяжала тайны своего ремесла; завязывала контакты; время от времени в роли урагана сбивала с ног зазевавшихся папушковых или пригибала к земле молоденькие дубки. Теперь, когда соотношение сил в погодных верхах немного изменилось, буря пыталась выложиться без остатка, дабы быть замеченной заправилами климата.

О да, буря работала с огоньком. Вихревая пластика движений в сочетании с неистовым темпераментом. Критики прочили ей блистательное будущее, правда оговаривая, что ей еще предстоит открыть для себя подлинное звучание громового раската.

Тем временем окрестные леса, покрывшись сизой испариной и раскидав листочки, зашлись в буйной овации.

И уж коли перепадает ночка, подобная этой, то боги, как уже было замечено, играют с судьбами людей и престолами монархов по правилам, во всем отличным от шахматных, предаваясь самому бессознательному мухлежу...

Уже вихляла, пыхла по ухабистой лесной колее карета, кряхтела всеми сочленениями, стоило колесу перемахнуть через очередной корень, а возница, погоняя лошадь, нещадно орудовал хлыстом, каждый из разящих щелчков которого ложился выверенным

контрапунктом на разнузданное грохотание, царящее в небесах.

Экипаж преследовали три всадника, чьи лица закрывали капюшоны.

Да, коли перепадет такая ночька, то твориться в ней будут преимущественно дела недобрые. Понятно, что ночька не будет лишена и кое-каких добрых дел, однако злодеяния все-таки останутся в явном большинстве.

В подобную ночьку ведьмам раздолье. Хотя в Овцепикских горах чего-чего, а раздолья всегда хватает, но в эту ночь раздолье было особым. Луна полной грудью подпирала суетливую облачность, а мятущийся воздух шелестел сотнями тайных говорков и был насыщен магией сверх обычного.

Устроившись на прогалине, на холме, вздымающемся над верхушками деревьев, ведьмы вели следующую беседу.

— В четверг я нянчусь с малышом, — заявила ведьма, обходившаяся без традиционного головного убора, зато одаренная такими густыми светлыми кудрями, что те вполне могли заменить ей боевой шлем. — С Джейсона сыночком, младшим... Зато в пятницу я свободна. Давай не затягивай с чайком, золотко. У меня в горле все пересохло...

Младшая участница посиделок, издав короткий вздох, зачерпнула в заварочный чайник кипяток из котла.

Третья же ведьма в благодушном порыве потрепала девушку по плечу:

— Ты все правильно делаешь. Чуть-чуть поработаешь над визгами, и полный порядок. Согласна со мной, нянюшка Ягг?

— Визг никогда не помешает, — поспешно откликнулась нянюшка Ягг. — Да, кстати, тетушка

Вемпер, земля ей будет пухом, отличному прищур у тебя научила.

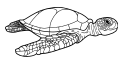
— Да, прищур у нее на уровне, — подтвердила матушка Ветровоск.

Младшая из ведьм, которую звали Маграт Чесногк, заметно воспрянула духом. Перед матушкой она неизменно пасовала. Обитатели Овцепиков прекрасно знали, что матушка относится к окружающему миру без особого восторга, и уж коль скоро, по ее личному мнению, прищур оказался на уровне, значит, если Маграт еще немножко потренируется, то вскоре юная ведьмочка без труда сможет заглянуть в собственную ноздрю.

В отличие от волшебников, обожающих свою прихотливую иерархию, ведьмы редко делают из карьеры самоцель. Каждая из них самостоятельно принимает решение, брать ли ей ученицу, которой после кончины передаст все полномочия. Вообще, склонность к кучкованию, особенно с другими ведьмами, у этих особ выражена очень слабо, и тем паче отказываются они терпеть над собой какое-либо верховенство.

Матушка Ветровоск была исключением из правил. Ее слово уважали.

Пока Маграт заваривала чай, руки девушки чуть подрагивали. Разумеется, все это лестно, однако до чего ж хлопотно вступать в трудовую жизнь, да еще в качестве деревенской ведьмы, когда с одного краю граничишь с самой матушкой, а со стороны леса — с нянюшкой Ягг! Идея устроить небольшой соседский шабаш принадлежала именно Маграт. Шабаш должен был внести в их отношения немножко — как бы это сказать? — оккультности. Маграт была искренне поражена, когда соседки приняли предложение или, точнее говоря, не отмахнулись от него.

— Шабашить?! — переспросила тогда нянюшка Ягг. — Ты приглашаешь нас пошабашить, милочка? Но у нас есть нормальная работа, зачем...

— Она приглашает нас на шабаш, Гита, — объяснила матушка. — Не деньги зарабатывать. Ты что, совсем все позабыла? Так раньше сходка называлась...

— А, значит, вечеринка?! — с надеждой переспросила нянюшка.

— Только без плясок, — предупредила матушка. — Начнете выплясывать — сразу по домам разойдемся. И чтобы песни не горланить! Вообще, смотрите не перевозбуждайтесь, обойдемся без притираний и прочих гадостей.

— От свежего воздуха-то — одна только польза! — с восторгом сказала нянюшка.

Маграт, как ни была разочарована запретом на ритуальные танцы, все же поздравила себя с тем, что вовремя прикусила язык и не выдала на-гора парочку других предложений, которые пришли ей на ум. Она пошарила в захваченной из дому котомке. То был первый в ее жизни шабаш, и она была преисполнена решимости не отступить от норм приличия.

— Лепешку кто-нибудь желает?

Матушка, прежде чем надкусить угощение, подвергла его строжайшему осмотру. На лепешках Маграт изобразила летучую мышь, глазки которой обозначались ягодками черноплодной рябины.

Карета раскроила густую поросль на опушке леса, пару секунд катилась на двух колесах, поскольку ухитрилась врезаться в валун, но затем, дерзко поправ некоторые из очевидных законов механики, выровняла свой ход и возобновила громохание. Впрочем, сейчас экипаж чуть снизил скорость. Начинались первые отроги.

Возница, приподнявшийся на цыпочки подобно наезднику на колеснице, смахнул со лба прядь волос и всмотрелся в ожидающие его дали. Места в ущельях Овцепиков — глухие, заповедные. Но все-таки от внимания путника не ускользнул мелькнувший огонек. Как бы там ни было, огонек — примета добрая.

В этот миг в крышу вонзилась первая стрела.

В это же самое время Веренс, король Ланкра, совершал одно важное открытие за другим.

Подобно большинству смертных — по крайней мере, подобно тому большинству, которое заполняет возрастную промежуток от нуля до шестидесяти лет, — Веренс не отягощал свой рассудок помыслами о том, что случится с ним по окончании срока жизни. Подобно большинству смертных, он безотчетно полагал, что тем или другим образом все должно устроиться по-человечески.

И подобно большинству смертных, канувших в Лету, Веренс нынче был мертв.

Выражаясь более точно, он валялся у подножия одной из своих лестниц в замке Ланкр, и в спине у него торчал кинжал.

Переменив положение своего тела на сидячее, Веренс поразился тому, что, хотя некто, кого он был склонен отождествлять с самим собой, принимает сидячее положение, нечто, во всем напоминающее его собственное тело, продолжает лежать на полу.

Тело это — наконец-то он получил возможность взглянуть на себя со стороны — смотрелось очень даже недурно, да и вообще Веренс всегда испытывал к нему крепкую привязанность. Однако даже самые крепкие узы когда-нибудь рвутся.

Тело было большим, сильным. Веренс оказывал своему телу надлежащий уход. Он вырастил на нем

усы и свободолюбивые вихры. Не забывал нагружать его оздоровительной гимнастикой на свежем воздухе и кормить высшего качества мясом. И вот теперь, когда обладание телом особенно пригодилось бы ему, тело его отвергло. Можно сказать, кинуло.

В довершение ко всему королю еще предстояло договориться с долговязым, тощим созданием, которое уже поджидало начала собеседования. Большая часть туловища незнакомца была укрыта плащом с капюшоном, и из складок одеяния, сжимая огромную косу, торчала лишенная плоти костяная длань.

Умерев и увидев перед собой подобного типа, вы инстинктивно сообразите, кто к вам явился.

— ПРИВЕТ.

Веренс поднялся и выпрямился во весь рост, вернее, во все то, что могло бы быть ростом, не лежи та часть его естества, к которой применимо это определение, ничком и в полной неподвижности на полу, внимая будущему, которому присуще лишь одно измерение, а именно — глубина.

— Соблаговоли зарубить на носу, перед тобой стоит монарх.

— СТОЯЛ.

— Чего? — рявкнул Веренс.

— ПОВТОРЯЮ: СТОЯЛ. ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ. С НИМ ТЫ СКОРО СВЫКНЕШЬСЯ.

Долговязая фигура постучала белыми, как известь, перстами по косе, как будто в нерешительности.

«Да и мне, клянусь честью, как-то не по себе», — мелькнуло в голове Веренса. Однако многочисленные и недвусмысленные подробности создавшегося положения все же сумели пробить брешь в разухабистом скудоумии, свойственном монарху при жизни, и заронили в его душу жутковатое подо-

зрение: как бы ни называлось королевство, в котором он нынче пребывал, титул монарха Веренс явно утратил.

— Ты, любезный, часом, не Смерть ли будешь?! — выпалил он.

— У МЕНЯ МНОГО ИМЕН.

— И каким же ты пользуешься нынче? — спросил Веренс, вкладывая в слова уже чуточку больше почтения.

Тем временем вокруг них засуетились снующие в разных направлениях люди; некоторые, как вскоре выяснилось, сновали прямо сквозь короля и его собеседника.

— Стало быть, это Флем... — непроизвольно процедил король, замечая дворянина, с выражением злонравного восторга на лице маячившего на верхней площадке лестницы. — А ведь отец предупредил меня ни под каким предлогом не подпускать его к себе. Любопытно, почему я не чувствую гнева?

— ГЛАНДЫ, — коротко бросил его собеседник. — АДРЕНАЛИН. ПРОЧИЕ ГОРМОНЫ. ЭМОЦИИ. ВСЕГО ЭТОГО ТЫ ЛИШЕН. ОСТАЛАСЬ ЛИШЬ ЧИСТАЯ МЫСЛЬ...

Долговязое создание, кажется, пришло к какому-то решению:

— ЭТО НЕ ЛЕЗЕТ НИ В КАКИЕ РАМКИ. ХОТЯ, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, КТО Я ТАКОЙ, ЧТОБЫ СПОРИТЬ?

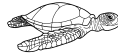
— Вот именно.

— НЕ ПОНЯЛ.

— Я сказал: «Вот именно».

— ЗАТКНИСЬ, А?

Смерть (именно мужского рода, не женского, Плоский мир — правильный мир) склонил череп набок, как бы прислушиваясь к ходу собственных мыслей. Теперь, когда полы его плаща распахнулись,

король увидел, что Смерть ничем не отличается от обычного начищенного скелета — не считая одного существенного обстоятельства. Глазницы Смерти горели небесно-голубым светом. Но даже это открытие не ужаснуло Веренса. Во-первых, не так-то легко ужасаться, когда твои органы, отвечающие за восприятие ужасного, покоятся в сморщенном виде в некотором отдалении от объекта наведения ужаса. А во-вторых, король, который ни разу в жизни не изведал ужаса, вовсе не стремился познакомиться с ним по окончании своего существования. Отчасти это объяснялось полным отсутствием воображения, однако верно и то, что сей монарх был ярким представителем той особой породы смертных, чья укорененность в настоящем воистину непоколебима.

Большинство же смертных такой укорененности лишены. Их жизни можно уподобить кляксам, растекающимся вокруг точек, где в данный миг находятся их тела, — такие смертные либо предвосхищают будущее, либо стараются вернуться в прошлое. Их поглощенность тем, что может свершиться, такова, что способность распознавать свершающееся они проявляют лишь тогда, когда обращаются к нему в качестве уже свершившегося. Все это слегка запутано, но такой тип людей распространен наиболее широко. Они боятся потому, что подсознательно знают, что их ждет. И чаще всего их ожидания сбываются.

Тогда как Веренс вел свое существование только в настоящем времени. Во всяком случае, до недавних пор.

Смерть вздохнул.

— ТЕБЕ, ПОХОЖЕ, ТАК НИКТО НИЧЕГО И НЕ РАСТОЛКОВАЛ, — наконец обронил он.

— Виноват?

— ЧТО, НИ МУЧИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЧУВСТВИЙ НЕ БЫЛО? НИ ЖУТКИХ СНОВИДЕНИЙ? ТЫ, СЛУЧАЕМ,

НЕ ВСТРЕЧАЛ НА УЛИЦАХ СТАРЫХ, ВЫЖИВШИХ ИЗ УМА ГАДАЛОК, КОТОРЫЕ КРИЧАЛИ БЫ ТЕБЕ ВСЛЕД ВСЯКИЕ МЕРЗКИЕ ПРОРИЦАНИЯ?

— Насчет чего? Насчет того, что я умру?

— ВИДНО, НЕ БЫЛО НИЧЕГО. ЗРЯ Я НАДЕЯЛСЯ! — горестно посетовал Смерть. — ОПЯТЬ ВСЕ НА МЕНЯ ВЗВАЛИЛИ.

— О ком это ты? — спросил заинтригованный Веренс.

— О СУДЬБЕ. ОБ УЧАСТИ. О РОКЕ. МАЛО ИХ, ЧТО ЛИ... — Смерть положил костлявую руку монарху на плечо. — ВОТ ЧТО. БОЮСЬ, ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ СТАТЬ ПРИЗРАКОМ.

— Ну и ну, — пробормотал король, осматривая... собственную плоть. Одно непродолжительное мгновение она казалась ему вполне материальной, а в следующий миг сквозь него прошмыгнул кто-то из слуг.

— НАДЕЮСЬ, ТЫ НЕ БУДЕШЬ ИЗВОДИТЬ СЕБЯ ИЗ-ЗА ТАКИХ ПУСТЯКОВ.

Веренс наблюдал, как с надлежащими почестями утаскивают из зала его начинающее коченеть тело.

— Постараюсь, — буркнул король.

— ВОТ И МОЛОДЕЦ.

— Только я не уверен, что морально готов бродить по Диску в белых простынях, да еще и с цепями на шее.

— А ТЕБЕ ЧТО, ТАК ЭТО НАДО? — пожал плечами Смерть.

— Да нет вроде...

— НУ И НЕ БЕРИ ТОГДА В ГОЛОВУ.

Смерть пошарил в укромных пределах своего темного плаща, извлек на свет песочные часы и поднес их к лазурным глазницам:

— ВОТ ТЕПЕРЬ МНЕ И В САМОМ ДЕЛЕ ПОРА ИДТИ.